

**В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²**

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА ФОНЕ КРИЗИСА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Диалог цивилизаций — тема, которая не только пронизывает политический и научный дискурсы, но и проникает в механизмы подготовки и принятия политических решений, если речь идет о международной политике. Об этом свидетельствуют характер и направ-

¹ Председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям. Директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург), академик РАН, член Президиума РАН, доктор медицинских наук, профессор. Автор двух научных открытий, 29 изобретений, более 500 научных работ, в т. ч. 28 монографий: «Патофизиология», «Имунофизиология», «Альфафетопротеин», «Имунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека: метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и др. Президент Российского научного общества иммунологов, председатель Уральского общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» (“Russian Journal of Immunology”), «Вестника Уральской медицинской академической науки», Вестника УрО РАН «Наука. Общество. Человек», «Имунология Урала». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

² Профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Почетный работник высшего образования РФ. Государственный советник 3-го класса. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 20 монографий и учебных пособий: «Единство и преемственность сознания», «Концептуальный поиск: традиции, новаторство, ответственность», «Творчество и догматизм», «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования», «Колодцы мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам», «Философия и методология политического планирования» и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и сохранению культурного и природного наследия. Заместитель главного редактора журнала «Трибуна русской мысли». Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единение». Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

ленность большинства документов, которые можно отнести к доктринальному уровню геополитического планирования и прогнозирования. Речь идет как о межгосударственных соглашениях, так и о деятельности надгосударственных органов и многочисленных международных неправительственных организаций, созданных для обеспечения коллективной безопасности. Более того, эта тема перемещается в центр внутренней политики ведущих государств мира, в том числе Европейского Союза и России.

Именно здесь, в зонах условной стабильности и столь же условного благополучия (большего или меньшего, но обеспеченного уровнем конституционно закрепленных социальных гарантий), пересекаются почти не контролируемые миграционные потоки из регионов, где доминируют иноцивилизационные традиции и обычаи, клановые и родовые связи, не характерные для «оазисов стабильности». В результате именно благополучные регионы неизбежно превращаются в арену наиболее острых межцивилизационных конфликтов, а основные показатели устойчивого развития, с таким трудом принятые на межгосударственном уровне, становятся малоэффективными.

К сказанному следует добавить, что проблематика межцивилизационного взаимодействия оказывает существенное влияние на тематический спектр ряда наук гуманитарного, социально-политического и естественно-научного профиля, на «соединении» которых и удавалось до недавнего времени выработать рекомендации по стратегии устойчивого развития для всех регионов планеты. Ученые, специализирующиеся в различных областях фундаментальной и приклад-

ной науки, все чаще объединяются на основе общности проблемного поля, что повышает отдачу междисциплинарных исследовательских программ. Этот процесс не предполагает обязательной институционализации новых научных дисциплин или направлений, хотя такая тенденция не ослабевает (примером служит усиление междисциплинарных исследований по теории и методологии устойчивого развития), но делает науку более «отзывчивой» на вызовы времени.

Эта тенденция объясняется рядом факторов. Во-первых, следует выделить выдвижение на первый план таких наукоемких проблем, как проблема снижения рисков межцивилизационных конфликтов, которая неизбежно входит в проблемное поле устойчивого развития. Во-вторых, тенденция усиливается благодаря заметному повышению наукоемкости в большинстве областей практической деятельности, в том числе и политической. В-третьих, цивилизационный аспект научных исследований обусловлен широким распространением и повышением роли научно-аналитического сопровождения политики.

«Размножение» и становление наук — длительный процесс, который в значительной степени был продиктован не внешними влияниями, а внутренней логикой становления научной и вузовской инфраструктуры. По этой причине он не успевает за нуждами практики, а тем более за новыми проблемами, стоящими перед человечеством, о чем свидетельствует, в частности, явно заниженный уровень осмысления глобальных проблем, к разряду которых и относится обострение межцивилизационных противоречий на фоне осуществления масштабных глобализационных проектов. Это обострение оказалось настолько мощным, что лидерам ведущих европейских стран пришлось сделать заявления о крахе стратегии мультикультурализма, что молниеносно изменило не только тематику политического дискурса, но и общий тон научных исследований в этой области. Столь высокая степень политизированности социально-политических наук может служить показателем недостаточной эффективности и надежности многих политических, в том числе и наднациональных, институтов, а также свидетельством недостаточной зрелости самого научного знания, прежде всего гуманитарного и социально-политического.

Как известно, мультикультурализм — понятие, которое было введено в широкий научный оборот и политическую лексику сравнительно недавно, в 1980-е годы, и служит для обозначения связанных между собой, но различных явлений, что создает путаницу и часто используется в целях политической демагогии. Попытки механически перенести идеи, принципы и модели политики мультикультурализма в современную Россию, которые активно предпринимались нашими политиками и учеными на протяжении последних лет, представляются обосновательными, поскольку в исторической России сложился совершенно иной, отличный от западных традиций цивилизационный опыт мирного сосуществования множества национальных культур. Этот опыт накапливался столетиями и не был связан с неконтролируемой миграцией.

Под мультикультурализмом подразумевают феномены, далеко не тождественные.

Во-первых, так определяют особый тип общественного устройства, сложившийся в развитых странах, для которого характерно искусственно созданное в течение сравнительно короткого времени (иногда в течение жизни одного-двух поколений) многообразие трудно-совместимых национальных культур, языков, обычаев и жизненных укладов. Это многообразие явилось результатом ускоренной глобализации (феномен турбокапитализма). Одна из основных причин формирования мультикультурной среды — «великое переселение народов», как называют процессы масштабной и зачастую неконтролируемой миграции больших групп населения, в том числе беженцев, из неблагоприятных регионов мира (зоны социальных и природных бедствий, межэтнических и военных конфликтов) в развитые страны.

Основная цель большинства мигрантов — не адаптация к традициям и образу жизни коренного населения, а стремление получить набор социальных гарантий и прав, которых они лишены на родине. Эта тенденция, с одной стороны, позволяет развитым странам решать множество проблем, связанных, например, с потребностью в постоянном притоке «дешевой» рабочей силы, а, с другой стороны, является фактором повышенного политического и социального риска.

Среди наиболее опасных последствий сохранения и усиления этой тенденции — хроническая перегрузка социальной сферы и дестабилизация политической системы, разрушение уклада жизни коренного населения, деформация традиционного культурного и конфессионального пространства, которое формировалось столетиями. При этом реальная угроза для сохранения «цивилизационного кода» и поддержания социального мира «накладывается» на демографическую катастрофу, связанную с деструктивными изменениями этнокультурного состава населения и «вымыванием» народов, которые создали западную цивилизацию. Многие европейские народы в результате нарастающей депопуляции уходят с исторической сцены под натиском мигрантов, не способных и/или не желающих адаптироваться к культуре и обычаям новой родины. Эта тенденция будет лишь усугубляться по мере нарастания других глобальных проблем, в том числе экологических, связанных с климатическими изменениями и техногенными катастрофами, которые вызовут многомиллионные потоки так называемых «экологических беженцев».

Во-вторых, под мультикультурализмом понимают множество культурологических и политологических концепций и авторских теорий по преимуществу либерального толка, которые объединяет стремление обосновать, объяснить и оправдать (легитимировать) феномен сосуществования различных культур и верований на основе принципа толерантности. Многообразие таких конкурирующих концепций и теорий, а также их различная идеологическая окраска препятствуют формированию единой концепции мультикультурализма как целостного и непротиворечивого научного учения, которое вошло бы в свод знаний, рекомендованных

для всеобщего усвоения. Особую роль в популяризации идей мультикультурализма сыграли американская социология, политология и правоведение. На стыке этих дисциплин сложилось научное направление, призванное соединить принципы правового государства с принципами политического устройства, гарантирующего равные права меньшинствам: национальным, религиозным, сексуальным и другим.

Примером может служить концепция мультикультурного гражданства Уилла Кимлики (Will Kymlicka), последователя Джона Ролза — автора известной теории справедливости, которая признает социальную значимость отдельных форм неравенства, если они приносят пользу обществу. Такая позиция является альтернативной по отношению к политической теории «плавильного котла», господствующей в США и предполагающей глубокую интеграцию, «сплав» этнических компонентов в рамках гражданской нации. Но этот «котел» в последние годы утрачивает былую эффективность, что и повышает в США интерес к теориям и проектам построения мультикультурного общества.

В-третьих, чаще всего термин «мультикультурализм» обозначает сами политические проекты, которые осуществлялись (большой частью безуспешно) или до сих пор осуществляются с разной степенью политических и социальных рисков в ряде развитых стран с целью поставить под контроль процессы межэтнической интеграции, снять или смягчить противоречия, возникающие в обществе в результате глобальной миграции. Единого, общепринятого проекта мультикультурализма не было и не может быть, поскольку существуют принципиальные отличия в истории становления государств, социальных структурах, традициях и верованиях. Эти различия можно проследить, сопоставляя исторический путь развития европейских национальных государств с опытом государственного строительства США и Канады, в создании которых основная роль принадлежала и принадлежит мигран-

там. Опыт Канады представляет особый интерес, так как в этой стране принцип мультикультурализма включается в число базовых принципов внутренней государственной политики.

В-четвертых, точнее всего было бы подвести под определение мультикультурализма политический курс, в основу которого положен выбор определенного проекта построения мультикультурного общества. Тот факт, что в большинстве европейских государств, как уже говорилось, такой политический выбор продемонстрировал свою нежизнеспособность, не означает, что арсенал политики пополнился новым инструментарием и идеями, способными решить проблему обострения межцивилизационных отношений в «успешных» регионах.

В-пятых, не менее обоснованным выглядит и желание назвать мультикультурализмом (сам термин подсказывает этот вариант его применения) политические доктрины и конституционные принципы, а также системы законов и подзаконных актов, специально разработанные и принятые для реализации политического курса, цель которого — формирование и легитимация мультикультурного общества. Примером столь последовательного осуществления политики мультикультурализма может служить, как известно, опыт Канады, в частности Конституционный акт 1982 года и Канадская хартия прав и свобод, в основу которых положен принцип мультикультурного наследия канадцев. Эта позиция неоднозначно оценивается в самой Канаде, особенно в Квебеке.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что политический механизм, обеспечивающий взаимопонимание локальных цивилизаций и названный диалогом цивилизаций, требует «большого ремонта», который должен начаться с осмысления уроков грубой политизации научного знания, когда цели и методы науки подменялись целями и методами «научно-аналитического сопровождения» уже реализуемых политических и геополитических проектов.